

УДК 821.161.1-31.09

МАРГАРИТА КАК ГЕНДЕРНЫЙ МИФ (ПЕРЕЧИТЫВАЯ РОМАН М.А.БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»)

Соколинская Е.Г.

Актуальность. На протяжении истории человечества мыслители и литераторы писали о женщинах, создавая идеалы женского характера, поведения и репрезентации. Эти идеи и представления нашли свое отражение в религиозной литературе, научных и философских трактатах и художественных литературных произведениях всех исторических эпох. И они, без сомнения, оказывали свое влияние на сознание людей во все времена. Необходимо отметить, что о «женственности» обычно говорилось с мужских позиций, поскольку авторами текстов в подавляющем большинстве были мужчины.

Постановка проблемы. В работе Л.П. Репиной «Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого» отмечается: «В большом числе статей и книг по истории средних веков и нового времени на «женскую тему» исследуются нормативные предписания, гендерная идеология и расхожие представления о женщинах, которые были на редкость устойчивыми, фиксировали, как правило, сугубо мужской взгляд на этот предмет и, несмотря на наличие некоторых внутренних противоречий, рисовали в целом негативные стереотипы мужского восприятия. Эти идеи и представления формировали те навязываемые социумом модели женского поведения, которые жестко ограничивали свободу самовыражения. Показательно, что в эталонных моделях мужского поведения во все исторические эпохи в гораздо большей степени проявлялся социальный статус, нежели гендерный, который в «женских» моделях столь же неизменно доминировал».

Можно говорить о том, что на протяжении веков создавалась гендерная мифология. Под гендерным мифом мы понимаем представление о природной заданности женственности и мужественности с определенным набором качеств и предназначений, приписываемых этим явлениям. Необходимо заметить, что в разные периоды истории представления о женственности и мужественности несколько менялись, в связи с чем мы можем говорить об относительной устойчивости гендерного мифа и зависимости его от объективных факторов. Анализ социально-исторического развития позволяет сделать вывод о том, что общественные сдвиги в экономике, политике, идеологии, культуре включают в себя и динамику гендерных отношений. О влиянии общественного сознания, изменяющегося под воздействием внешних объективных факторов на гендерные представления, в частности на представления о женственности, указывали редакторы широко известного коллективного труда «Становясь видимыми: Женщины в европейской истории»: «...такие крупные катаклизмы, как войны и эпидемии, оставляют глубокий разлом в жизни всех членов общества – и мужчин, и женщин, а такие долговременные процессы, как индустриализация, политическое развитие и повышение жизненного уровня, изменяют жизнь каждого. Но наш особый ракурс показывает, что женщины переживали эти массовые сдвиги иначе, чем мужчины». Однако следует заметить, что закрепленные в сознании гендерные представления оказывали влияние на общественное сознание. Как нам представляется – влияние сдерживающее и тормозящее. То есть хотелось бы отметить двустороннюю связь между гендерной мифологией и общественным сознанием. Во-первых, гендерный миф создается общественным сознанием в зависимости от внешних социально-исторических факторов. Во-вторых, гендерный миф

**МАРГАРИТА КАК ГЕНДЕРНЫЙ МИФ
(ПЕРЕЧИТЫВАЯ РОМАН М.А.БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»)**

оказывает воздействие на общественное сознание, препятствуя нарушению установленных представлений и стереотипов.

Вопрос о внеисторичности пола, о неизменном «женском начале» – о понятии, породившем вечные споры о «природе женщины» и служившем для обоснования ее подчиненного положения, был подвергнут критике в работах профессионального американского историка Джоан Скотт, в том числе и в ее быстро ставшей знаменитой программной статье «Гендер – полезная категория исторического анализа».

Каковы же основные представления о женственности как составляющие гендерного мифа? Народная мудрость, которая присутствовала в фольклоре всех европейских этносов, утверждала, что «внешний мир» принадлежит мужчине, а женщина – хранительница домашнего очага, задавая индивиду целостную культурную модель, всеобъемлющий образ, который, как и все ему подобные, помогал как-то упорядочивать жизнь, придавая смысл хаотичной и запутанной действительности, воспринимать и толковать переживаемые события, выстраивать свою линию поведения. Известная британская писательница Элизабет Джейнуэй так говорила об этих представлениях: «Мир принадлежит мужчине, место женщины дома – это разделение так старо и так прочно укоренилось в наших умах и культуре, что производит иллюзию неизбежности и богооткровенной истины». Качества, якобы присущие женщинам, противопоставлялись «мужским»: женщины определялись как слабые («слабый пол»), пассивные, мужчины – как сильные, активные, женщины описывались как эмоциональные и даже иррациональные, мужчины – как интеллектуальные, женщины полагались «по природе» заботливыми, мужчины – «по природе» честолюбивыми.

Цель нашей статьи: проследить, как вышеприведенные представления отобразились в одном из наиболее ярких женских образов русской литературы – в образе Маргариты в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», и определить его роль в создании гендерной мифологии.

Рассматривая различные аспекты образа Маргариты, мы наблюдаем, что автор романа, гений социальной сатиры и один из величайших мастеров художественного слова прошлого века, не избежал влияния гендерных стереотипов и исторически сложившихся социокультурных паттернов.

Очевидно, что в образе Маргариты автор отражает свои представления об идеальной женственности. В описании Маргариты используются немногочисленные эпитеты, к примеру «красива и умна». Автор часто обращается к ее внешнему облику. Неоднократно упоминается восхищение ее красотой всеми, кто ее видит. Также говорится о ее одиночестве: «...меня поразила не столько ее красота, сколько необыкновенное, никем не виданное одиночество в ее глазах!» – рассказывает Мастер о своей первой встрече с Маргаритой. Косвенно черты образа создаются при помощи того необычайного факта, что именно на Маргариту пал выбор Сатаны, сделавшего ее хозяйкой бала и оказывавшего ей королевские почести. То есть перед нами исключительная и незаурядная женщина, стоящая в ряду вечных женских идеалов, таких, как Елена Прекрасная. При этом жизнь Маргариты типична для представлений, сложившихся в патриархальной культуре. Она живет на содержании у своего мужа, не занимается какой-либо социальной или творческой деятельностью, круг ее знакомств ограничивается домработницей Наташей и знакомыми ее мужа, среди которых «попадались интересные люди». Похоже, что в представлении М.А. Булгакова это и есть предел стремлений большей части женщин. Автор уверенно говорит, что «многие женщины» все бы отдали, чтобы жить ее жизнью – жизнью бездетной обеспеченной бездельницы. Возможно, автор создавал этот женский образ, исходя из неприятия символа Паши Ангелиной – символа его эпохи, когда в женщине перестали ценить женственность и сексуальность. Но в противовес такому культу женщины-работницы, многостаночницы, борца, лишённого гендерной идентичности, Булгаков обращается к чертам женственности, закреплённым в общественном сознании предыдущей гендерной историей.

Необходимо отметить, что при всей незаурядности Маргарита не проявляет своих способностей ни в одной области. Даже ее муж, персонаж эпизодический и второстепенный, представляется более активным: «...очень крупный специалист, к тому же сделавший важнейшее открытие государственного значения. Муж ее был молод, красив, добр, честен». В образе же Маргариты автор лишает женщину права на какую-нибудь значимую, миро преобразующую, творческую деятельность. Если до встречи с Мастером Маргарита жила скучной жизнью и не находила себе применения, то, потеряв его, она не предпринимает попыток что-либо изменить, а возвращается в особняк и живет прежней жизнью, в ожидании, что «что-то произойдет». Можно сказать, что основными чертами женской сексуальности в образе Маргариты являются пассивность, жертвенность и субмиссивность. Однако, наряду с этими аспектами, в Маргарите воплощена другая сторона представлений о женской сексуальности, а именно о ее непостижимости и опасности. Если аспекты первой стороны опосредовано передаются на протяжении всего романа множеством мелких эпизодов (пассивное ожидание, преданная покорность судьбе, желание погибнуть вместе с Мастером и даже готовность отдаться неизвестному иностранцу за какие-либо сведения о Мастере), то вторая сторона ярко проявляется в таинственном королевском происхождении Маргариты (откуда ее прирожденные величественные манеры и стиль общения), в превращении ее в ведьму, в разгроме, который она устраивает в доме Драмлига, в совершенно естественном поведении на шабаше, в ее непринужденном общении с Сатаной. Высвобожденная женская сексуальность немедленно воплощается в ведьминском обличье – такие представления выстраивались на протяжении многих веков и нашли свое отражение, в частности, в средневековом трактате «Молот ведьм», написанном в 1487 г. инквизиторами-доминиканцами, теологами Яковом Шпренгером и Генрихом Инститорином. В данном документе отражены представления об изначальной, природно обусловленной женской порочности и склонности к темным силам: «Как из недостатка разума женщины скорее, чем мужчины, отступают от веры, так и из своих необычайных аффектов и страстей они более рьяно ищут, выдумывают и выполняют свою месть с помощью чар или иными способами. Нет поэтому ничего удивительного в том, что среди женщин так много ведьм. В их натуре никому не подчиняться, следовать своим собственным внушениям». Проанализировав, как страстность и желание отомстить за Мастера приводят к метаморфозам в поведении Маргариты, как высвобожденная сущность оказывается ведьминской, мы делаем вывод о том, что автор романа намеренно или подсознательно сводит сексуальность Маргариты к стереотипам, отложенным в общественном сознании со времен средневековья.

Можно ли на основании этого утверждать, что Булгаков, как и многие его предшественники, опасался женственности и не понимал ее? Мы полагаем, что это так. «Что нужно было этой женщине, в глазах которой всегда горел какой-то непонятный огонечек, что нужно было этой чуть косящей на один глаз ведьме, украсившей себя тогда весною мимозами?... Очевидно, она говорила правду, ей нужен был он, мастер...». – рассуждает автор, предлагая женщине единственное воплощение и путь к самореализации – посредством любви к мужчине-мастеру, к мужчине-творцу. Следовательно, создавая свой образ идеальной женщины Булгаков вносит вклад в конструирование патриархатного гендерного мифа женственности, основываясь на достаточно бесперспективных и узких стереотипах.

Надо сказать, что похожие представления о женской сексуальности мы находим у многих значительных мыслителей прошлого. Вот, к примеру, как гендерный миф отражен в произведении Н.А. Бердяева «Философия свободы. Смысл творчества»: «Женщина – существо совсем иного порядка, чем мужчина. Она гораздо менее человек, гораздо более природа. Она по преимуществу – носительница половой стихии. В поле мужчина значит меньше, чем женщина. Женщина вся – пол, ее половая жизнь – вся ее жизнь, захватывающая ее целиком, поскольку она женщина, а не человек. В мужчине пол гораздо более дифференцирован. Женщина по природе своей всегда живет одним, не вмещает в себе многого. Женщина плохо понимает эту способность мужчины вмещать в себе полноту

**МАРГАРИТА КАК ГЕНДЕРНЫЙ МИФ
(ПЕРЕЧИТЫВАЯ РОМАН М.А.БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»)**

бытия... Женщина отдается исключительно и безраздельно радости любви или страданию от несчастья, она вся растворяется в этом одном, всю себя в это одно вкладывает. Личность женщины вечно подвержена опасности распада на отдельные переживания и жертвенного заклания себя во имя этого переживания. Поэтому женская природа так склонна к гипнозу и к одержанию. Женская истерия имеет связь с этой особенностью женской природы, и корни ее метафизические. С этим связано и все высокое в женщине и низкое в ней, жуткая чуждость ее природе мужской. Женщина иначе переживает вечность, чем мужчина. Мужчина ставит полноту духовных сил своей личности в независимость от смены времени, от власти временных переживаний над полнотой личности. Женщина бессильна противиться власти временных состояний, но она во временное состояние вкладывает всю полноту своей природы, свою вечность... И в стихии женской любви есть что-то жутко страшное для мужчины, что-то грозное и поглощающее, как океан. Притязания женской любви так безмерны, что никогда не могут быть выполнены мужчиной. На этой почве вырастает безысходная трагедия любви. Раздельность мужского и женского – этот знак падения человека делает трагедию любви безысходной».

Создается впечатление, что М.А.Булгаков в деталях переписал поданную в данном высказывании схему женственности и воплотил его в своем гениальном произведении. Однако ощущение бесперспективности и безысходности судьбы Маргариты не покидает читателя. Конечная цель ее существования – беречь покой и сон Мастера. Она, которая призывала его печатать свое произведение, бороться с устоявшимися догмами, теперь учит его «слушать беззвучие», и «наслаждаться тишиной». Незавершенность, бесперспективность, пассивность образа вступает в резкий контраст с преобразующей духовной силой гениального романа.

Выводы. Создав образ Маргариты, Булгаков внес свой вклад в формирование патриархатного гендерного мифа о женственности. Не углубляясь в причины, приведшие к такому результату, скажем только, что, несомненно, автору не доставало видения нового времени, сведений о женщинах-творцах, объективности во взглядах на женственность. Можно сделать вывод, что образ Маргариты не только послужил утверждению имевшихся ранее стереотипов женственности, но и оказал, с нашей точки зрения, негативное влияние на общественное сознание, сведя прекрасное в женщине к пассивному и жертвенному, к отсутствию творческой активности, а загадочное – к опасному и стихийному.

Список литературы

1. Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2002. – 352 с.
2. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Роман. – М.: Современник. 1984. – 368с.
3. Scott A.F. Woman's Place is in the History Books // Making the Invisible Woman Visible.–Urbana. 1984. – P. 361-370.
4. Scott J. W. Gender: A useful category of historical analysis // American Historical Review. – 1986. – V. 91. № 5. – P. 1053-1075.
5. Janeway E. Man's World, Woman's Place: a Study in Social Mythology. – N.Y., 1971. - P. 7.
6. Piettre M. La condition feminine a travers les ages. – P., 1974.
7. Becoming Visible: Women in European History / Eds. by R. Bridenthal et al. 2nd ed. – Boston etc., 1987. – P. XI.
8. Бердяев Н. Философия свободы. Смысл творчества. – М., 1989. – С. 407-437.

Поступила в редакцию 28.02.2005 г.